

М.М. Соколов

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ СОЛИПСИЗМ: АНАЛИЗ ОДНОЙ НАУЧНОЙ ПОЗИЦИИ

Эта статья задумывалась как рецензия на сборник «Расизм в языке социальных наук» (Расизм... 2002), вышедший в Петербурге в 2002 году. Однако по мере написания она все больше и больше меняла свое качество, превращаясь в комментарий к тому направлению в исследованиях этничности, которое принято называть «конструктивистским». Основным достоинством «Расизма...», безусловно, является то, что под его обложкой собраны статьи наиболее известных отечественных конструктивистов, в сжатом виде излагающих свои доводы против оппонентов. В силу чего сборник предоставляет удачную возможность исследовать состоятельность собственной позиции его авторов**.*

Следующий ниже текст состоит из двух частей: первая содержит краткое описание «Расизма...», а вторая — критические ремарки по поводу всего того интеллектуального движения, которое его авторы представляют на российской академической сцене.

1. Книга

Собранные в этой книге статьи представляют собой тексты докладов, прочитанных на конференции «Социальные науки, расистский дискурс и дискриминационные практики», состоявшейся в Петербурге в декабре 2001 г. Большую часть ее объема составляют восемь выступлений, на разном материале развивающих одну и ту же идею. Эту идею можно кратко изложить так.

Чтобы осуществлять расистскую практику, понимаемую широко как дискриминация на основании «расовой», «этнической» или «цивилизационной» принадлежности, требуется более ли менее развернутая система представлений о том, что такое «раса», «этничность» и «цивилизация». Расизм невозможен без «расовой идеи» — т. е. без доктрины, в соответствии с которой человеческий род подразделяется на дискретные подмножества и которая как-то объясняет, почему представители этих подмножеств заслуживают разного обращения. И в той степени, в какой мы признаем, что развитие и распространение подобных доктрин не

* Здесь и далее слово «этнический» используется в предельно широком смысле, включающем и расовые, и «цивилизационные» аспекты.

** Среди других работ тех же авторов, к которым, соответственно, относится и нижеследующая критика, я бы перечислил «Конструирование этничности», среди соавторов которого были Виктор Воронков и Оксана Карпенко (Конструирование этничности 1998), «Скромное обаяние расизма» Владимира Малахова (Малахов 2001), статьи Виктора Шнирельмана (Шнирельман 2000) и Сергея Соколовского (Соколовский 1998). Нет сомнений, что этот ряд будет продолжен, в частности, аналогичным «Расизму» сборником по итогам конференции «Расизм в дискурсе образования», состоявшейся в Центре независимых социологических исследований в Петербурге в апреле 2004.

является следствием причин какого-либо иного порядка, мы можем утверждать, что именно они являются «источником» расизма.

Последнее утверждение требует пояснений. В принципе, любую расистскую практику можно объяснить одним из трех способов. Во-первых, можно сослаться на естественные эффекты объективных различий между дискриминирующей и дискриминируемой группами («представители группы А не вступают в родственные союзы с представителями группы Б, поскольку те принадлежат к другой культуре, и между ними существует естественное отчуждение»). Во-вторых, можно отталкиваться от неких скрытых психологических или политических мотивов, которыми движимы осуществляющие эту практику агенты («представители группы А легитимируют исключение представителей Б из числа потенциальных брачных партнеров, ссылаясь на непреодолимые культурные различия между ними; на самом же деле, они просто не хотят допустить Б к ресурсам, которые контролируют, а заодно дать выход накопившимся агрессивным импульсам»). В-третьих, можно идти от существования систем представлений, в рамках которых эти различия, цели и стратегии определяются («А дискриминирует Б, поскольку у них есть идея “культуры”, позволяющая проводить политические границы на основании различий в языке и обычаях»).

Теории, отправной точкой для которых являются объективные различия, обозначаются обычно как эссенциалистские; теории, подчеркивающие важность интересов, во имя которых агенты воспринимают расистские определения ситуации — как инструменталистские; теории, указывающие на запечатленные в языке коллективные представления как на первопричину — как конструктивистские. Подчеркнем, что — несмотря на общую оппозицию эссенциализму — конструктивистская и инструменталистская позиции далеко не идентичны. С конструктивистской точки зрения, собственно участвующие в расистских практиках агенты являются только пассивными реципиентами мыслительных конструкций, которые определяют их восприятие и поступки. Активным началом в этой схеме выступают или логика культуры как таковая, или — одно часто бывает трудно отличить от другого — интеллектуалы, которым, одним среди всех людей, приписывается более привлекательная роль, чем роль марионеток, управляемых безличными символическими структурами. С инструменталистской точки зрения, агенты выступают как активные потребители, предъявляющие спрос на ту символическую продукцию, которая соответствует их психологическим или политическим потребностям. Именно их интересы являются для инструменталистов подлинной причиной культурных сдвигов, а интеллектуалы добиваются успеха в распространении своих взглядов, только если угадывают, какие взгляды соответствуют этим интересам лучше всего.

Отношение между этими подходами не исчерпывается интеллектуальной конкуренцией за утверждение своего объяснения истоков расизма. С точки зрения конструктивистов, именно их оппоненты-эссенциалисты в значительной мере ответственны за создание социальной реальности этнических различий и конфликтов. Они утверждают, что, в соответствии с теоремой Томаса, провозглашающей, что ситуации, определяемые как реальные, реальны по своим последствиям, дистанция и столкновения интересов между этническими группами превращаются в социальный факт именно потому, что интеллектуалы-эссенциалисты преподносят их как таковой.

Статьи сборника предлагают читателю пересмотреть различные аспекты теоретизирования о расах, этносах и цивилизациях в свете этих соображений. Главная цель, которую ставили перед собой авторы, состояла в том, чтобы продемонстрировать, как практики дискриминации связаны со многими элементами академического дискурса, которые не рассматриваются воспроизводящими их учеными как расистские и поэтому широко используются даже теми, кто искренне уверен, что участвует в борьбе с расизмом.

В первой из статей Владимир Малахов исследует истоки этноцентрического мышления, которое, по его мнению, берет начало в процедуре гипостазирующей реификации — мыслительной операции, в ходе которой мыслительные конструкты (такие, как «этничность») принимаются за реальные объекты. Эта интеллектуальная тенденция, которую Малахов отождествляет с эссенциалистским мышлением, с его точки зрения, неотделима от позитивизма как «веры в объективную реальность, которая может быть объективными средствами зафиксирована и описана» (Расизм... 2002: 14).

Следующая за статьей Малахова статья Оксаны Карпенко посвящена разбору нескольких параллелей между академическим дискурсом и дискурсом националистов. В качестве наглядного примера в ней разбирается статья известного московского политолога Малашенко, который, в поисках корней правого экстремизма в постсоветских обществах, фактически воспроизвел от имени науки все мыслительные штампы, которые характерны для бытовой ксенофобии (Малашенко 1999). Так, Малашенко заявляет (не опираясь ни на какие эмпирические исследования, а исходя из того, что «всем известно»), что причины дискриминационных действий по отношению к «кавказцам» состоит в неприемлемости культурных моделей поведения последних с точки зрения стандартов, преобладающих среди русского населения. Даваемое им объяснение полностью совпадает с тем, которое дают обычно своим действиям радикально-националистические группы, и, по мнению Карпенко, фактически легитимирует практику последних.

В статье Сергея Соколовского делается обзор дискуссии о ценности конструкта «рас», понимаемых как дискретные типы физической конституции, для физической антропологии. В ней доказывается, с одной стороны, интеллектуальная неадекватность этого понятия (распределение черт фенотипических маркеров не образует никаких выраженных кластеров, которые позволили бы говорить о расовой типологии как об отражении «объективной реальности»), и, с другой стороны, демонстрируется его характер как «потенциально расиалистского» — т. е. такого, который может легко быть превращенным в элемент расистской идеологии.

Текст Александра Осипова посвящен языку «этноконфликтологов» и его роли в производстве и легитимации расистских практик. Осипов показывает, как основной для этой дисциплины постулат, гласящий, что этнические различия способны провоцировать конфликты, сам по себе вызывает и оправдывает противоправные действия. Так, Осипов подробно разбирает примеры, когда ссылки на «этническую конфликтность» и необходимость предотвращать якобы неизбежный конфликт приводятся как оправдания для явных нарушений закона — например, при выселении «иноэтнических» семей, вся вина которых состоит в том, что кому-то они кажутся носителями другой культуры.

В тексте Сергея Абашина рассматривается развитие регионалистского дискурса в Таджикистане. За несколько лет после распада Советского Союза язык этнорегиональных напряженностей возобладал в рефлексии таджикских политических комментаторов и превратился на какое-то время в единственный общепринятый способ концептуализации внутренних конфликтов. Сотрясавшая Таджикистан гражданская война объяснялась при этом вечными противоречиями между несколькими региональными группами, которые будто бы только и ждали случая, чтобы возобновить свой тысячелетний конфликт. Кажется, что Абашин искренне развлекается, высмеивая противоречивые и путаные попытки сосчитать и классифицировать таджикские «субэтноты».

Следующими в сборнике идут еще одна статья Сергея Соколовского, посвященная, на этот раз, концептуализации этнического в российском законодательстве, и статья Татьяны Бараулиной, в которой рассматривается дискуссия о правах мигрантов в Германии. Эти тексты несколько выделяются из контекста всего сборника, поскольку, строго говоря, имеют дело не с дискурсом социальных наук, а с законодательством, связь языка ученых с которым

остается не совсем ясной (Бараулина уделяет роли ученых несколько предложений на страницах 123–124, а в статье Соколовского эта тема не обсуждается вовсе). Несмотря на интересное развитие темы, которое они задают, и теоретически, и тематически они явно не вписываются в общую рамку*. Все последующие комментарии относятся к этим текстам лишь косвенно.

Наконец, последняя в сборнике статья Виктора Шнирельмана посвящена школьным учебникам и их предполагаемой роли в (вос)производстве этнических категорий. Эта темная сторона школьного образования, с точки зрения Шнирельмана, является неизбежным следствием попытки написать историю государства как историю этнически понятой нации. Особое внимание в его тексте уделяется получившему значительное распространение в системе отечественного государственного образования «цивилизационному подходу», объединяющему все общества в несколько (наиболее распространенный вариант — три) «цивилизаций» с принципиально разным мировоззрением и исторической судьбой.

К каждому из докладов прилагается стенограмма его обсуждения, а в заключительной части книги содержатся материалы дискуссий по нескольким темам, вызвавшим самые жаркие споры среди участников конференции — о моральной ответственности социальных ученых, сложностях терминологии и практических мерах по противостоянию расизму. Подобный формат изложения, передающий весь драматизм дебатов и представляющий социальную науку в процессе ее производства, нельзя не признать большой удачей. Именно такой способ организации текста, заставляющий читателя почувствовать себя эмоционально вовлеченным в обсуждение, придает основной идее конференции значительную часть ее убедительности. Это замечание может послужить, однако, не только заслуженной похвалой редакторам, но и началом критического разбора всей книги.

2. Критика

Чтобы доказать все, что авторы намеревались доказать, им необходимо было найти какое-то эмпирическое подкрепление для четырех следующих тезисов:

1. *Потенциально расистские представления не являются отражением объективной реальности этнических отношений.* То, что некоторые из имеющих широкое распространение среди социальных ученых теорий могут побуждать к недоброжелательности и враждебным действиям, само по себе не является доказательством их интеллектуальной неадекватности. Более того, в некоторых случаях имеет место как раз обратное — способность «проблематизировать» и обострять отношения между социальными группами считается как раз доказательством глубины и важности теории (например, в случае с марксизмом). Почему «потенциально расиалистские» теории заслуживают иного отношения, если они настолько же истинны?

2. *За распространение потенциально расистских представлений производящие их ученые ответственны более, чем воспринимающие их политики и «простые люди».* Предыдущее замечание представляет собой требование привести обоснованную аргументацию против эссенциализма. Этот пункт, в свою очередь, требует каких-то доводов против инструменталистской позиции, в соответствии с наиболее распространенными формами которой восприятие реальности некими социальными группами есть отражение их

* Хотя бы в том смысле, что их авторы говорят об этнических группах и этнических различиях как о чем-то вполне реально существующем. Так, например, Соколовский пишет о том, что «проведение межгосударственных границ строго по этническим оказалось невозможным вследствие исторических миграций и смешений» (Расизм... 2002: 103). Эта формулировка подразумевает, что этнические границы, вообще говоря, являются реальной вещью — утверждение, с которым большинство прочих авторов сборника наверняка не согласились бы.

экономических и политических интересов. Этнические категории, с этой точки зрения, есть легитимация классовых претензий (в хорошо всем знакомой марксистской форме это утверждение гласит, например, что национальное сознание внедряется буржуазией, чтобы отвлекать пролетариат от классовой борьбы). Как мы увидим дальше, авторы рассматривали эту позицию как продолжение конструктивистских взглядов, поскольку она предполагает, что этнические различия есть не следствие объективной важности каких-то культурных различий, а социальное изобретение, необходимое для утверждения своего господства. Однако ее принятие лишает пафоса большую часть их воззваний к ответственности ученых — поскольку, в соответствии с инструменталистской перспективой, интеллектуальная продукция последних определяется происходящим извне спросом на нее.

3. *Источником этих расистских представлений является именно социальная наука, а не какая-то другая область символического производства (скажем, массовая культура), из которой они проникают и в науку, и в обыденное мышление. Этот вариант тезиса является уже вполне конструктивистским — но и он снимает со сторонников эссенциалистских представлений значительную часть моральной ответственности.*

4. *Существует альтернативная теория, восприятие которой могло бы вдохновлять политически корректные практики так же, как эссенциалистская доктрина вдохновляет политически некорректные.* Как писал Лакатос, история науки не представляет собой историю отбрасывания эмпирически не подтвержденных теорий, она представляет собой историю замены менее подтвержденных теорий более подтвержденными. Эта логика остается применимой и тогда, когда мы начинаем учитывать политические следствия теорий в качестве одной из причин для их принятия. Нет смысла отвергать какие-то представления как расистские, если заменить их можно только другими столь же расистскими представлениями.

Однако, как мы увидим дальше, в книге нет сколько-нибудь тщательных попыток доказать хотя бы одно из этих четырех утверждений.

Конструктивизм vs. эссенциализм и инструментализм

Критика эссенциализма в «Расизме» сводится к указаниям на то, что в космической битве, которую — где-то в мировой науке — эссенциалисты ведут с конструктивистами, первые постепенно теряют позиции, а вторые теснят их (см., напр., Расизм... 2002: 9–11, 31–34). Это перечисление имен великих единомышленников практически заменяет собственно эмпирические результаты, которые демонстрировали бы, что в конкретных ситуациях конструктивистские объяснения «этнических процессов» в России обладают преимуществом перед эссенциалистскими.

Единственная эмпирическая проблема, по отношению к которой такое сравнение осуществляется — это этническая преступность (Расизм... 2002: 187–194 и далее). В то время как представлявшие на конференции эссенциалистскую сторону Василий и Елена Филипповы отстаивали существование этнических организованных преступных групп, их оппоненты стремились доказать неадекватность этнического языка для описания криминальных сообществ. Однако в качестве эмпирических данных, подтверждающих их точку зрения и дискредитирующих точку зрения их противников, ими цитировалось единственное этнографическое исследование рыночных торговцев из Азербайджана, проводившееся Ольгой Бредниковой и Олегом Паченковым.

Это исследование, безусловно, представляет большой интерес, и остается только сожалеть, что до сих пор его результаты не были полностью опубликованы*. Тем не менее, выводы, которые делают его авторы, лишь с очень большой натяжкой могут считаться доказательством того, что этнические различия навязываются интеллектуальными элитами, а не возникают сами по себе. Действительно, данные, которые приводят Бредникова и Паченков, свидетельствуют о том, что соображения этнической солидарности в ходе деловых взаимодействий между трудовыми мигрантами несущественны. Иными словами, вопреки тому, в чем нас пытается убедить обыденная этносоциология, азербайджанцы** не предпочитают иметь деловые отношения с другими азербайджанцами и не настроены изначально против не-азербайджанцев как потенциальных партнеров. Но при этом они предпочитают иметь дело со своими родственниками, соседями и друзьями детства — которые, как отмечает в ходе дискуссии Сергей Соколовский (Расизм... 2002: 190), также имеют большие шансы оказаться азербайджанцами. Таким образом, с чисто эвристической точки зрения, этническая категоризация позволяет давать только весьма неточные прогнозы по поводу развития отношений. Из того, что А и Б, торгующие рядом на рынке, азербайджанцы, не следует, что они обязательно будут доверять друг другу. Однако вероятность того, что между ними будет существовать доверие, выше, чем, соответственно, между А и В или Б и В, где В — не-азербайджанский торговец, поскольку А и Б с гораздо большими шансами окажутся связанными кровными узами. Факт общей связи с Азербайджаном не является *причиной* солидарности, но является ее *индикатором*, т. е. признаком, указывающим на более высокую вероятность ее наличия.

Таким образом, этническая категоризация не обладает аналитической ценностью, но обладает ценностью практической, а вот практическое использование более адекватной категоризации, предлагаемой Бредниковой и Паченковым, крайне затруднено. Информация о гражданстве индивида куда доступнее, чем информация о его/ее родственных связях. Более того, можно (обоснованно или нет) надеяться идентифицировать человека, приехавшего из Азербайджана, на основании языка, на котором он(а) говорит, или фенотипических признаков, но вряд ли кто-то может надеяться вычислить таким же образом, например, члена «первичной группы» жителей какого-нибудь микрорайона в Баку. Аргументация Бредниковой и Паченкова, таким образом, одновременно демонстрирует, почему этничность является плохим аналитическим конструктом — и почему, несмотря на это, она имеет все шансы сохраниться как практическая мыслительная схема. Ее воспроизводство в этой ситуации может происходить абсолютно независимо от какого бы то ни было влияния со стороны интеллектуальных элит.

При более пристальном прочтении, отчет об исследовании Бредниковой и Паченкова дает массу примеров, не укладывающихся в ту конструктивистскую линию, в которую его пытаются встроить. Например, они описывают в отчете такое происшествие:

Три «азербайджанца» стояли посредине рынка и в течение пятнадцати минут громко кричали друг на друга, при этом активно жестикулировали и вырывали друг у друга сумку с зеленью. Периодически один из них пытался уйти, остальные его догоняли, продолжали кричать. Вокруг кричащих собралось довольно много других «азербайджанцев», которые с интересом наблюдали за происходящим. Нас поразило спокойствие наблюдавших, поскольку, по нашему мнению, происходило что-то экстраординарное. Казалось, что каждую секунду ругань может перерасти в драку, и в ход будет пущено, как минимум, холодное оружие.

* Частично они представлены в статье (Бредникова, Паченков 2001). Я хотел бы специально поблагодарить авторов исследования за возможность ознакомиться с рукописью «Мигранты-кавказцы в Петербурге: жизнь в напряжении», содержащей более подробное описание их полевой работы и выводов.

** Слово «азербайджанец» употребляется здесь в смысле «гражданин государства Азербайджан».

Однако через пятнадцать минут крик прекратился так же внезапно, как и начался. Спорящие разошлись совершенно мирно, и создавалось впечатление, что все были довольны исходом ситуации. Мы в недоумении спросили у Фархада [один из информантов — М.С.] о происходящем. Он объяснил, что мы наблюдали обыкновенную сделку между торговцами, один из которых продавал другому пять килограммов кинзы, и они не могли договориться о цене. С точки зрения обывателя, которыми мы в этот момент и являлись, происходящее могло укрепить мнение о «природной агрессивности» «кавказцев» и исходящей от них опасности. Таким образом «неправильное» прочтение и интерпретация ситуации способствует воспроизводству мифа об «опасности кавказцев» (Бредникова, Паченков. Мигранты-кавказцы...).

Совершенно справедливо, но разве подобное неправильное прочтение не было запрограммировано объективно существующей между (суб)культурами разницей в стиле ведения деловых переговоров? И если эта разница ввела в заблуждение двоих прекрасно подготовленных полевых исследователей, которые приняли за прелюдию к смертоубийству то, что, в действительности, было рутинным эпизодом, то чего же остается ожидать от остальных? Мы видим, что даже то единственное исследование, которое цитировалось, чтобы доказать несостоятельность эссенциалистской позиции, в действительности содержит в себе массу доводов, которые могут быть интерпретированы в ее пользу*. То, что у не-эссенциалистских подходов есть преимущества в интерпретации современной российской реальности, надо еще доказать — и, будем честны, «Расизм...» не представляет собой слишком значительного шага в этом направлении.

То же самое касается преимуществ конструктивизма перед инструментализмом. В действительности, по тексту разбросана масса чисто инструменталистских аргументов. Их присутствие закономерно, поскольку конструктивизм в чистом виде вряд ли способен ответить на один из напрашивающихся вопросов — почему эссенциалистская позиция так привлекательна для тех, кто участвует в ее воспроизводстве? Никто из авторов, кроме Александра Осипова, не останавливается на этой теме надолго, и даже Осипов уделяет ей всего две страницы (Расизм... 2002: 66–67). Тем не менее, там, где этот вопрос все же поднимается, в качестве причин привлекательности расизма перечисляются:

- «психологическая комфортность этнического языка» (стр. 160, также 66, 91);
- обращение к этническим конструктам со стороны политических элит, переживающих кризис легитимности (стр. 44, 182–183);
- интересы «этнических предпринимателей», активистов, представляющих интересы меньшинств, ими же и выдуманных (стр. 67, 206 – 208);
- спрос, которые все перечисленные факторы создают на эссенциалистскую интеллектуальную продукцию (стр. 164, 168–169).

Ответственность науки как источника расистских представлений

Разным аспектам спроса на эссенциалистские конструкты и направлениям их диффузии в книге также уделяется гораздо меньше внимания, чем можно было бы ожидать. Большая часть авторов ограничивается тем, что более ли менее дословно повторяет формулировку,

* Подобных самоубийственных доводов в книге достаточно. Главный из них кроется в самой идее конференции. Авторы призывают нас поверить, что разные языки науки способны заставить их носителей воспринимать мир по-разному. Эссенциалисты и конструктивисты живут в своих дискурсивных гетто, разделенные стенами непонимания. Допустим, это так. Тогда и естественные языки должны создавать каждый свою Вселенную, ведь различия между ними, с какой стороны ни посмотри, не менее существенны, чем различия между языками науки. А если и это так, то людей, пользующихся ими, разделяют вполне реальные дистанции.

фигурирующую еще в предисловии: «проникая в массы через институт политического и научного консультирования, академический язык и дискурс в целом во многом определяют то, как представляют себе общество “простые” люди, журналисты, чиновники, политики» (Расизм... 2002: 3). Далее эта мантра повторяется еще несколько раз (напр., стр. 11–12, 20, 66, 155, 180). Для почти всех участников конференции было фактом, не подлежащим сомнению, что, например, текст учебника отечественной истории, прочитанного в седьмом классе, определяет мышление человека на протяжении всей его или ее последующей жизни. Между тем, эта истина вовсе не является очевидной и не требующей доказательств.

Возьмем недавний и, безусловно, хорошо знакомый авторам «Расизма» пример. В советских учебниках марксистская интерпретация истории была перемешана с плохо завуалированным национализмом. Поэтому националистические убеждения тех, кто когда-то учился по ним, можно было бы списать на влияние, которому они подверглись в школьные годы — если бы автоматически не возникал вопрос о том, куда тогда делась марксистская составляющая*. Действительно, политическое сознание современной России, наверное, самое немарксистское в Европе. Даже идеологии компартий, пользующихся мало-мальским влиянием в ней, представляют собой варианты застенчивого социал-национализма. Это демонстрирует, как минимум, значительную избирательность в восприятии школьных авторитетов — если не полное бессилие таковых.

Исключение здесь составляют Сергей Абашин и Александр Осипов, рассматривающие траектории распространения исследуемых ими дискурсов. Выводы, к которым они приходят, однако, оказываются очень осторожными по сравнению с выводами их коллег, подобного анализа не проводивших. Так, Абашин во время дискуссии говорит: «я считаю, что гуманитарные штудии никакого абсолютно влияния не оказывают, или почти никакого влияния не оказывают, на тот мир, которым правят интересы, а не термины» (Расизм... 2002: 92) и дальше констатирует, что привлекательность этнического языка «нельзя сводить к влиянию ученых» (стр. 160–161). Обвинение, которое они выдвигают — это некритическое восприятие категорий и имплицитных предпосылок обыденного мышления, при котором «мнения людей принимаются как единственный источник знаний о повседневности», а «методология <...> основана на отождествлении мнений людей о действительности с действительностью» (стр. 64). Нет сомнения, это серьезный интеллектуальный грех — но он все же не столь грандиозен, как создание расистского мышления, которое приписывает эссенциалистам другая часть авторов. Более того, один практически исключает другой.

Во всех остальных статьях аргументация сводится к несколько умозрительной организации мысленных экспериментов, в ходе которых исследователь представляет себе, как должны были бы вести себя индивиды, представление которых о социальной реальности сводилось бы к почерпнутому из книг отечественных этносоциологов — без всяких попыток оценить, насколько такие индивиды реальны**.

Социологический солипсизм

Таким образом, авторы не сделали практически ничего, чтобы придать убедительность тем трем утверждениям, которые мы выше идентифицировали как несущие опоры всей аргументации «Расизма». Между тем, только доказав справедливость этих тезисов, они

* Не говоря о неизбежном недоумении по поводу того, как некоторым — например, нашим авторам — удалось избежать подобной индоктринации вообще.

** Другой часто встречающийся в книге прием — поиск корреляций между текстами научных оппонентов и текстами откровенных националистов, сам факт обнаружения которых оценивается как обвинительный приговор первым (на стр. 16 Малахов расправляется таким образом с ныне покойным Николаем Гиренко).

смогли бы обосновать то крайнее развитие конструктивистского тезиса, приводящее к полному слиянию нормативных и дескриптивных суждений, которое лежит в основе их атак на оппонентов-эссенциалистов.

Само по себе это слияние приводит к очень интересным логическим следствиям. Действительно, если социальный мир конструируем, и конструируют его ученые (по неведению предполагая, что изучают), то утверждение о существовании некоего объекта есть акт его созидания. Научная констатация «свет существует» равносильна божественному «Да будет свет!» Очевидным следствием полного принятия этой позиции, которую можно назвать социологическим солипсизмом, является полное отрицание иных оснований для принятия или отвержения социологических теорий, кроме чисто моральных. Если теория есть самоисполняющееся пророчество, производящее собственные подтверждения, то единственное основание, на котором эту теорию можно отвергнуть, состоит в том, что нам не нравится будущее, которое это пророчество предлагает.

Вероятно, сами авторы увидели бы в этом изложении своих взглядов злонамеренное сведение к абсурду. Скорее всего, они сказали бы, что имели в виду, что символическая власть, которой обладают ученые, существует наравне с аналогичной властью множества других агентов — что не снимает, однако, с их оппонентов политическую ответственность. Однако, как мы видели, никто из них не сделал попытку точно определить, насколько велика роль ученых в этом процессе, и некоторые вплотную подошли к тому, чтобы принять все следствия конструктивистской логики. Александр Осипов, которого вообще отличает последовательность в развертывании аргументации, и в этом отношении идет дальше других.

«Этноконфликтологические» теории целенаправленно критикуются в его статье за недостаток конгруэнтности доктрине прав человека. Действительно, если мы согласимся, что конструкты второго порядка, используемые наукой, имеют тенденцию автоматически превращаться в конструкты первого порядка, используемые «обычными людьми», и если мы желаем, чтобы эти люди руководствовались представлениями, согласующимися с идеей всеобщих прав, мы можем потребовать, чтобы ученые закладывали возможность такого использования при самой разработке своих категоризаций. Беда в том, что возлагаемая на ученых задача становится при этом практически неразрешимой. Среди концепций социальной науки нет — и, в современном ее понимании, не может быть теорий, согласующихся с идеей автономного и ответственного субъекта, которая лежит в основе правовых доктрин.

Возьмем исследование правозащитной организации. Задача социолога состоит в том, чтобы объяснить ее существование, показав, как действия людей, создавших и воспроизводящих ее, обусловлены некими несводимыми к их собственной свободной воле обстоятельствами — социальной ситуацией, в которой они оказались, культурными моделями поведения, которые они усвоили в детстве, или особенностями их биографии. Любое из этих объяснений, однако, до некоторой степени снимет с самих членов правозащитной группы ответственность за их поступки. Идея объяснения человеческого поведения опирается на имплицитные антропологические предпосылки, которые исключают возможность его моральной оценки, служащей отправной точкой правового подхода*. Любопытно, что Осипов подходит вплотную к тому, чтобы признать этот факт. Так, описывая свойства «позитивистского и материалистического» подхода к анализу конфликтов, преобладающему в России, он перечисляет его характерные черты, включающие то, что конфликты «понимаются как явления, производные от “объективных” экономических отношений, “объективных” культурных отношений или, в крайнем случае, от навязанных участникам

* Разумеется, эта аргументация ни в каком роде не является новой и представляет собой морализаторскую критику, сопровождающую развитие социальных наук со дня их возникновения.

идеологических рамок... Чаще речь ведется о борьбе за статусные позиции, доступ к власти и о мобилизации людей» (Расизм... 2002: 53). Это — абсолютно точное описание того, как современные социальные науки предлагают понимать конфликты. Боюсь только, что «отечественные» и «позитивистские» подходы в этом отношении не отличаются от всех прочих.

Мы не обсудили еще четвертый из тезисов, который авторам «Расизма...» следовало обосновать, — тот, в соответствии с которым социальным наукам есть что предложить взамен «потенциально расиалистских» построений эссенциалистской теории. Большая часть участников конференции даже не задавалась этим вопросом, предполагая, что «если люди поймут, что мир конструируем, то многие проблемы исчезнут как таковые, просто перестанут быть проблемами» (Расизм... 2002: 186). Но это совсем не обязательно так. В действительности, подход, признающий этнические категории конструктом, также способен вдохновлять дискриминацию по признаку принадлежности к этническим группам. Возьмем, например, безукоризненно инструменталистскую теорию этничности Абнера Коэна, в соответствии с которой этнические различия есть способ воспроизведения своих границ классом, желающим сохранить некие социально-экономические преимущества (Cohen 1974). И подставим в эту формулу название какой-нибудь конкретной группы, чтобы получить, например, такое умозаключение, способное украсить собой газету «Русский порядок»: «Сам факт воспроизводства границы между евреями и не-евреями свидетельствует о том, что существуют какие-то ресурсы, к распределению которых евреи не желают допустить всех прочих». Не скажите, что возможность такого использования не-эссенциалистской аргументации — это чистая абстракция. Фактически, немалая часть имеющей хождение среди радикальных националистов литературы апеллирует именно к ней*.

Политические выводы

Наконец, есть еще одна важная проблема, неизбежно возникающая, когда моральные следствия принятия научной теории рассматриваются наравне с ее адекватностью. Этой проблемой являются те меры безопасности, которые должны приниматься в отношении «потенциально расиалистских» теорий. Следует ли прекращать разработку концепции, как только будет усмотрено, что она может так или иначе вдохновить расистские практики, и карать тех, кто не соглашается прекратить работать в этом направлении?*** Или, все же, удовлетворяющей критериям «хорошей науки» гипотезе позволительно иметь некоторые сомнительные политические следствия? И каково соотношение между предполагаемой эвристической ценностью и политической сомнительностью, которое должно служить границей между «можно» и «нельзя»?

Принятие решения по этой проблеме еще больше затрудняется сложностью в предсказании того, какой эффект будет иметь та или иная теория. Мысль, к которой неоднократно возвращались авторы (и которая также не совсем согласуется с их прочей аргументацией), состоит в том, что воспринимающие научный дискурс «обычные люди» склонны придавать ему свой собственный смысл, иногда имеющий такое же отдаленное

* Осипов, безусловно, зачислил бы эту теорию этничности в «позитивистские и материалистические». К несчастью, коэновский инструментализм — образцовый представитель той самой восторжествовавшей стороны в дебатах с эссенциалистами, на успехи которой авторы ссылались вместо того, что приводить эмпирические доводы в подкрепление своей точки зрения.

** Как выразился один из авторов, ссылаясь на пример США: «и пусть только какой-нибудь американский антрополог только попробует поиграть в расистские игры, что-нибудь скажет с таким душком. Его тут же выведут за пределы ассоциации» (Расизм... 2002: 220).

отношение к первоисточнику, как шариковское требование «все поделить» к «Капиталу» (см., напр., стр. 51–53, 197–201). Решение, которое предлагает, например, Виктор Шнирельман, состоит в добровольной изоляции ученых за частоколом специальных терминов, в организации своеобразного карантина для научных теорий вообще — с учетом того вреда, которая каждая из них может вдруг принести (Расизм... 2002: 148–149). Трудно не заметить, однако, что так же, как требование Осипова идет вразрез с основным интеллектуальным императивом социальных наук — изучать вещи такими, как они есть, а не какими кому-либо хотелось бы их видеть — предложение Шнирельмана подрывает их основной гражданский императив — способствовать общественной рефлексии.

Вывод, к которому может прийти читатель «Расизма...», перевернув последнюю страницу, гораздо скромнее, чем тот, к которому авторы, видимо, надеялись его подвести. Возможно, определенные академические дискурсы так или иначе участвуют в воспроизводстве расизма, как элитного, так и бытового. Благодаря авторам книги, мы даже подозреваем, какие, хотя и не знаем точно, как часто это происходит, и почему иногда происходит, а иногда — нет. Может быть, социальным наукам есть что предложить взамен этим политически сомнительным подходам. А может быть, единственный способ снизить исходящую от них опасность — это перестать ими заниматься вообще. «Расизм», безусловно, пробуждает желание разобраться во всем этом — но не утоляет его.

Литература

Бредникова О., Паченков О. Азербайджанские торговцы в Петербурге: Между «воображаемым сообществом» и «первичными группами» // Диаспоры. 2001. № 1. С. 132–147.

Бредникова О., Паченков О. Мигранты-кавказцы в Петербурге: жизнь в напряжении. Рукопись.

Конструирование этничности. Этнические общины Санкт-Петербурга / Под ред. В. Воронкова, И. Освальд. СПб.: «Дмитрий Буланин», 1998.

Малахов В. Скромное обаяние расизма и другие статьи. М: Дом Интеллектуальной Книги & Модест Колеров, 2001.

Малашенко А. Ксенофобия в постсоветском обществе // Нетерпимость в России: Старые и новые фобии / Под ред. А. Малашенко, Г. Витковской. Москва: Московский Центр Карнеги, 1999. С. 6–18.

Расизм в языке социальных наук / Под ред. В. Воронкова, О. Карпенко, А. Осипова. СПб.: Алетейя, 2002.

Соколовский С.В. Понятие «коренной народ» в российской науке, политике и законодательстве // Этнологическое обозрение. 1998. № 3.

Ушкуйник (Лариков) В. Памятка Русскому человеку. М: «Витязь», 1998.

Шнирельман В. Ценность прошлого: этноцентристские исторические мифы, идентичность и этнополитика // Реальность этнических мифов / Под ред. А. Малашенко, М.Б. Олкотт. М.: Гендальф, 2000. С. 12–33.

Cohen A. The Lesson of Ethnicity // A. Cohen (ed) Urban Ethnicity. L.: Tavistock Publications, 1974. Pp. 9–22.